
ДИСКУССИЯ

DISCUSSION

УДК 004

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ «В ТИСКАХ» ЛИБЕРАЛЬНО-РЫНОЧНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Ч. С. КИРВЕЛЬ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Элизы Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Показано, что процесс перестройки и реформирования образовательных практик в большинстве незападных стран, в том числе и в постсоветских государствах, осуществляется преимущественно в интересах транснационального капитала и бизнес-структур, что в действительности серьезно угрожает их национально-государственной безопасности. Это обуславливает тотальную коммерциализацию образовательных систем постсоветского пространства, настойчивые попытки ликвидации традиционных моделей образования, замещение их рынком образовательных услуг, бесконечные реформы, перестройки, «оптимизации» и т. п. Подчеркивается, что встраивание учреждений образования в транснациональные бизнес-структуры существенно расширяет возможности «перекачки мозгов» и новейших научных разработок на Запад. Акцентируется внимание на том, что в условиях современного глобального капитализма чрезвычайно актуализируется проблема контроля со стороны общества и государства над процессами, протекающими в сфере образования и научной деятельности.

Ключевые слова: образование; системный кризис; транснациональные корпорации; бизнес-структуры; рыночная педагогика; академический капитализм; подрывные новации; образовательные услуги; компетентностный подход; национальная безопасность; бюрократия; социогуманитарный фактор развития.

Образец цитирования:

Кирвель ЧС. Современное образование «в тисках» либерально-рыночного экстремизма. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018; 4:88–96.

For citation:

Kirvel ChS. Modern education «in the clutches» of liberal market extremism. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:88–96. Russian.

Автор:

Чеслав Станиславович Кирвель – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии педагогического факультета.

Author:

Cheslav S. Kirvel, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy, faculty of pedagogics.
kirvel@grsu.by

MODERN EDUCATION «IN THE CLUTCHES» OF LIBERAL MARKET EXTREMISM

Ch. S. KIRVEL^a

^a*Janka Kupala State University of Hrodna,
22 Elizy Ažeska Street, Hrodna 230023, Belarus*

The article grounds the idea that the process of reorganization and reformation of educational practices in most non-European countries, including former Soviet countries, are implemented mainly in the interests of transnational capital and business that threaten countries' national-state security. This situation provides the reason for total commercialization of educational systems of the former Soviet Union states, persistent attempts of elimination of traditional educational models, their replacement with education market, endless reforms, reorganizations, «optimization», etc. It is emphasized that embedding of educational institutions in transnational business structures significantly expands possibilities of «transfer of brains» and the latest scientific developments to the West. The emphasis is placed on the fact that in the conditions of modern global capitalism the issues of social and state control over the processes in education and scientific sphere is extremely urgent.

Key words: education; system crisis; transnational corporations; business; market pedagogy; academic capitalism; undermining innovations; educational services; competence approach; national security; bureaucracy; social humanitarian factor of development.

Сегодня многие исследователи и аналитики говорят и пишут о том, что повсеместно наблюдаются кризисные явления в сфере образования. Согласно их выводам образование все в большей мере начинает сводиться к симулякрам и имитациям. При этом подчеркивается, что роль компьютерных технологий в образовании и профессиональной подготовке молодежи явно неоднозначна. И действительно, в настоящее время в образовании наблюдаются глубокие метаморфозы, совершается много удивительного и неожиданного.

Что же реально происходит в сфере образования? В наши дни, как легко заметить, настойчиво проводится в жизнь лозунг интернационализации образовательного пространства, что «позволяет привлекать все более широкие слои зарубежных молодых ученых, исследователей, а главное – сами образовательные и исследовательские центры других стран к работе в частных транснациональных бизнес-структурах» [1, с. 92–93]. Отсюда, кстати сказать, проистекает стремление к интегрированию всех западных национальных систем образования и науки в сеть глобального рынка и, соответственно, к тотальному их преобразованию исключительно в интересах транснационального бизнеса. Причем в системе всех ступеней образования предусматриваются такие изменения, которые, «во-первых, обеспечили бы максимально полное распространение международных стандартов, расширение присутствия иностранных специалистов и иностранных операторов, стимулирование международной мобильности студентов; во-вторых, расширили бы участие представителей высокотехнологичного бизнеса в управлении, формировании и реализации программ вузов, а также в их наблюдательских и попечительских советах» [1, с. 94].

В условиях такого рода глобализации образования национальные образовательные системы перестают ориентироваться на интересы своего общества и государства и начинают обслуживать мировой рынок, попадая под контроль транснационального капитала, который господствует на этом рынке. Именно здесь кроются истоки тотальной коммерциализации системы образования во многих государствах постсоветского пространства, в том числе и в восточнославянских странах. Именно здесь коренятся причины настойчивых попыток ликвидации традиционных моделей образования, бесконечных реформ, перестроек, «оптимизаций» национальных образовательных практик. Неудивительно поэтому, что во всех рейтингах самые высокие баллы получают такие виды работ, как публикации в иностранных журналах с определенной степенью индексов, издание учебной литературы на иностранных языках, чтение лекций за рубежом, приглашение иностранных специалистов и т. п. В результате всего этого происходит встраивание наших учреждений высшего образования (УВО) в образовательную бизнес-структуру, превращение их в «канал по «перекачке мозгов» и новейших технологических разработок на Запад» [1, с. 100]. Не становится ли в результате всего этого наша образовательная система колониальной системой? Ведь здесь, по сути дела, осуществляется попытка тотальной смены русского (и в целом восточнославянского) цивилизационного кода и традиционного менталитета на чисто рыночное, прагматически-утилитарное, лишенное всякой духовности мировоззрение, несовместимое с нашим сознанием. Можно утверждать, что такая политика, хотим мы того или нет, делает невозможной какую-либо реиндустриализацию во многих постсоветских государствах и вместе с тем ведет к утрате суверен-

нитета в сферах образования, подготовки кадров, научных исследований и разработок, являющихся стержнем национальной безопасности.

Сегодня, к сожалению, наблюдается тенденция формирования такой модели образования, в которой традиционные для университета задачи воспроизводства культуры, поиска истины, продуцирования новых ценностей и новаторских решений теряют прежнюю значимость. Доминирующими в данной модели становятся такие виды деятельности, как коммерция, торговля, зарабатывание денег, сервис, т. е. подстраивание под уже сложившуюся среду в целом, обеспечивающее лишь ее функционирование на уже достигнутом уровне.

Именно на такого рода образование ориентирована Болонская система, которая, по сути, подменяет реальные знания компетенциями. Компетенции представляют собой не что иное, как практическое знание, навыки, которые достигаются в процессе, чем-то напоминающем дрессировку. На деле эта система упраздняет университет как социальный институт, возникший в эпоху модерна, формирующий представление о целостной картине мира и обеспечивающий получение фундаментального универсального знания.

В принципе, Болонская система направлена на маркетинговую и превращение высшего образования в рынок услуг. Интересное суждение на этот счет высказал известный российский исследователь А. И. Фурсов: «Допустим, человек приобрел некую компетенцию – узкую специализацию, которая была востребована на рынке в момент начала его обучения. Но в момент окончания ниша оказывается заполненной и в спросе уже другие узкоспециализированные компетенции. Что делать? Приобретать новые компетенции – за деньги, естественно, тем-то компетенции и отличаются от университетского/универсального знания, которое характеризуется широтой и глубиной и исходно позволяет относительно легко адаптироваться к поворотам судьбы. Как известно, узкая специализация (идиоадаптация) – тупиковый путь эволюции, в отличие от универсальной адаптации (ароморфоз). “Болонская система” и есть активное заталкивание большей части студентов на рельсы узкоспециализированной адаптации, т. е. в жизненный тупик» [2, с. 317].

Однако Болонская система не распространяется на богатые частные университеты (а их не более 2 %), где учится верхушка, где готовят будущую элиту. В этих УВО предпочтение отдается фундаментальному образованию, строжайше запрещена тестовая система, которая отучает от главного – умения ставить вопрос, проблему, мыслить широко и глобально.

В доперестроечное время цели образования формировались государством и обществом на ос-

нове собственных интересов развития. Однако после принятия Болонской декларации в целом ряде постсоветских стран ситуация стала изменяться. Со временем помимо неприязненного отношения педагогов к тому характеру лексики («образовательные услуги»), которая начинала интенсивно использоваться, стало очевидно, что квалификация образовательного процесса как предоставления услуг полностью перестраивает всю существовавшую прежде образовательную систему со всеми ее бесспорными достижениями в нечто совершенно иное: «Многие авторитетные педагоги и ведущие ученые стали бить тревогу: “Образование – не услуга, а приоритет государства” (В. А. Садовничий); “Образование – это категорически не услуга. Это системообразующий институт нации и государства. Гражданами России нас делают образование и воспитание, а не купленные услуги” (С. Е. Рукшин). Святейший патриарх Кирилл заявил: “Образование – не частное дело людей, а такая сфера общественной жизни, от которой зависит существование общества и государства. Это становой хребет существования общества, и потому перевод образования исключительно в сферу предоставления рыночных услуг является... большой ошибкой”» [3, с. 66].

Однако все эти возмущения и аргументация не возымели действия: транснациональные корпорации, в частности Европейский круглый стол промышленников, представляющий интересы данных корпораций, смогли все же навязать университетам «рыночную педагогику», в которой вместо ценностного принципа, ориентирующего образование на «всестороннее гармоничное развитие личности», стала утверждаться предпродажная подготовка человека на рынок труда. Следует подчеркнуть, что такого рода трансформация образовательной сферы не является естественной и органичной, а навязана педагогическому обществу извне, директивным путем. И причина этому – примитивно-механический импорт идеологием Запада. В Советском Союзе на последнем этапе его существования вестернизация подражательного характера уже не в малой степени поддерживалась партийной и технической элитой. После перестройки и в постперестроечные годы она стала беспрецедентно активно насаждаться неолибералами во все сферы жизнедеятельности целого ряда постсоветских обществ, что оказалось очень выгодным многочисленным корпораторским группировкам, которых мало интересовала или вообще не беспокоила судьба их стран. Это тупиковый путь, тупиковая модель, подкрепленная мифологией рыночного общества. Неосмысленное механическое навязывание Болонской системы, стремление сделать все «как в Европе» на практике обернулись разрушением отточенной десятилетиями советской системы образования

и профессиональной подготовки молодежи, которая позволила создать вторую экономику мира, добиться паритета, а в ряде случаев и превосходства в области стратегических вооружений над США и их союзниками, создать известные во всем мире научные школы.

В настоящее время данная ориентация в реформировании образования исчерпала себя, со всей очевидностью обнаружила свою несостоятельность. Ее дальнейшее консервирование ведет к ничем не оправданной эрозии культурного поля восточнославянского суперэтнуса и утрате им своей значимости в современном мире. Ведь хорошо известно, что «интеграция рыночных механизмов в деятельности различных социальных институтов имеет различные пределы. Превышение этих пределов приводит к перерождению самих институтов. Именно это и происходит сегодня со школой» [4, с. 26]. И тем не менее уже в течение целого ряда лет у нас проводятся различные мероприятия по превращению системы высшего образования в «рынок образовательных услуг», причем в основе аргументации такого рода реформ лежит стремление приблизить образование к практике и «образовательному прагматизму», являющимся важнейшими составляющими стратегий модернизации и инновационного развития общества. Однако разговор о предельном приближении непосредственно к производству, практике жизни образовательных стандартов почему-то всегда увязывается с требованием узкой специализации и отказа от всякой фундаментальности подготовки специалистов в УВО. Специализация же, согласно данным информационным инициативам, преимущественно достигается за счет фрагментаризации учебных планов, а также путем исключения из них дисциплин философско-мировоззренческого цикла. В реальности вся эта тотальная дегуманитаризация и дегуманизация образования создает в высшей степени благоприятные условия для превращения выпускников УВО из людей, широко и глобально мыслящих, способных к свободному самоопределению профессионалов, в объект для беззастенчивых манипулятивных практик, послушное орудие различного рода политических демагогов, «оппозиционеров», оккультных пророков и т. п. Ориентированность на фрагментарное и эпизодическое блокирует понимание целого, заслоняет восприятие целого, препятствует оценке событий с точки зрения их встроенности в общую картину мира, оборачивается диффузией ценностей, дроблением культуры и в целом деинтеллектуализацией современного общества. Раздробленное сознание и дискретность отрывают молодежь от традиций своего народа, деформируют национальную и цивилизационную идентичность. При таком подходе высшее образование низводится до уровня

ремесленного училища. В сущности, он основан на предельно упрощенном варианте философии прагматизма (полезно то, что приносит сиюминутную выгоду). Данный подход вольно или невольно предполагает приспособление, «адаптацию к уже сложившейся системе мирохозяйствования. Но на самом деле образование футуристично по природе, оно должно быть направлено на подготовку новых поколений для будущего, поэтому по морально-психологическим установкам призвано носить опережающий характер по отношению к практике» [5, с. 81]. Но разве может образование при таком понимании его практико-ориентированности носить опережающий характер по отношению к практике? Послать студентов для прохождения практики на заводы и фабрики, построенные в 1950–70-х гг., – дело малопродуктивное: это позавчерашний день.

Современный выпускник университета должен быть не только человеком, сориентированным на компетенции, обладающим лишь мозаичным и «лоскутным» сознанием, но и личностью, достигшей в своем развитии высокого общегуманитарного культурного уровня и глубокой теоретической подготовки в своей профессиональной области. Замечено, что именно такого типа выпускники университетов «весьма динамичны, они улавливают новые возможности пограничных ситуаций и могут в них успешно работать, принимая разумные решения. Они могут формулировать идеи даже в тех плоскостях, перед которыми люди с мышлением замкнутого характера, как правило, останавливаются. Главные достижения современной цивилизации сотворены личностями, обладавшими такой универсальной культурой» [6, с. 78]. Как справедливо кто-то заметил, для того чтобы появилось инновационное общество, должен сначала появиться Аристотель.

«Оптимизация» образовательных практик, которую мы наблюдаем сегодня, не оставляет возможности реализовать в экономике и производственной сфере даже модели «догоняющего» развития, не говоря уже о каких-либо достижениях прорывного характера. Нынешнее состояние образования перестало соответствовать уровню, которого требует инновационный путь развития общества. В принципе, осмысление и понимание стратегических целей и задач развития общества не может быть достигнуто на основе осуществляемой ныне реформы образования, ориентированной на сиюминутные рыночные приоритеты. В реальности данного рода реформы скорее препятствуют, чем помогают нам успешно продвигаться по пути прогрессивно-поступательного развития общества. Те, кто старается навязать нам «академический капитализм», превратить образование в сферу услуг, целенаправленно отвергают традиции фундаментального образования, без которых преемственность

в процессе воспроизводства национальной элиты может прерываться, в результате чего не будет обеспечена национально-государственная безопасность в будущем, а это представляет серьезную угрозу естественному, поступательному развитию общества. Эти процессы продвигают люди, которые стремятся выразить все общественные и индивидуально-личностные отношения в денежном измерении. Они в очередной раз предпринимают тщетную попытку трансформировать восточнославянский мир в западный, отказаться от собственных ценностей и перекроить все сферы жизни по западному образцу. Однако такие попытки особенно болезненно сказываются на характере воспитания подрастающего поколения. Нашим западникам трудно понять, что в мире существует феномен бескорыстного дарения, что подлинная учительская миссия – это миссия духовного служения и регламент купли-продажи несовместим с настоящим творчеством, требующим бескорыстия духа и подвижничества.

Можно определенно утверждать, что причинами всеми нами наблюдаемой деградации современного образования как социального института является навязывание ряду постсоветских государств, в том числе и восточнославянским странам, ультралиберальной версии капитализма, основанной исключительно на монетарной системе человеческих взаимоотношений, абсолютизации всемогущества денег, разрушающей всякие другие, не соответствующие мизантропическому закону самовозрастания капитала образовательные практики, какими бы успешными они ни были. Вообще, там, где исходным и главным критерием отличая полезного от бесполезного, хорошего от плохого, истинного от ложного, доброго от злого, прекрасного от безобразного является прибыль и все решают деньги, критерии культуры отступают, размываются.

Весьма огорчительным итогом всех осуществляемых на наших глазах реформ и оптимизаций системы образования стало доминирование технократического подхода, основывающегося преимущественно на количественных показателях. Последние создают иллюзию управляемости: чем больше показателей, тем выше управляемость. Качественно-содержательные характеристики почти полностью вытеснены из организации учебного процесса и процесса оценивания работы педагогов. Это особенно касается различного рода рейтингов, которые почему-то становятся необычайно популярными. Поскольку данные рейтингов считаются машиной, то правды на выходе, в сухом остатке мало. Это и понятно: машина выдает лишь однозначные, непротиворечивые ответы, а жизнь человеческая в своей сущности противоречива и не поддается формализации. При этом та-

кие рейтинги в большинстве своем не учитывают специфику факультетов, специальностей, кафедр, особенности технических, общетеоретических, социогуманитарных дисциплин, уровень научности, социальную значимость и общественный резонанс публикаций ученых, т. е. не учитывается все то, что не поддается формализации. Сегодня любой преподаватель-практик подтвердит, что, несмотря на все большую изощренность документации, сопровождающей учебный процесс, знания школьников и студентов становятся все хуже. А обществу приходится все чаще сталкиваться с мнимыми специалистами с дипломами, но без знаний. Итог всего этого – нарастание расхождений между декларациями и реальными делами, движением бумаг – инструкций, приказов, постановлений и т. п. – и действительной жизнью УВО. Симулякров, имитаций мероприятий, различного вида конкурсов «для галочки» становится все больше, а по-настоящему системной, всеохватывающей деятельности по повышению содержательного, качественного уровня образования и воспитания все еще не просматривается. Похоже, имитация – это печальная примета нашего времени, и пресечь ее пока, к сожалению, не удастся. Причем нередко мероприятия «для галочки» сводятся к развлекательному жанру или к формальному участию в них.

В результате всех этих процессов в системе высшего образования резко увеличилась власть чиновников над профессорско-преподавательским составом и стала быстро возрастать формальная сторона обучения в ущерб содержательной части. Вот, например, как характеризует работу российских университетов Е. В. Золотухина-Аболина: «Современный российский университет представляет собой жесткую бюрократическую структуру, которую возглавляет самовластный “царь-батюшка”, а подразделения выступают “феодами”, где отдельные феодалы ходят на поклон к царю, стремятся в собственном феоде кормиться (“коммерческая самостоятельность” подразделений корпоративного университета)... Университетская “знать” (бюрократия разных уровней) развлекается за государственный счет, разъезжая по странам мира как бы с целью перенимания зарубежного опыта, однако что можно перенять за неделю? Разве что сходить на вещевой рынок в Испании или во Франции... Ну, а рядовой преподаватель (полукрестьянин-полупролетарий) тянет лямку, и нагрузка его непрерывно увеличивается, доходя в прямом смысле слова до “эксплуатации насмерть”. И думать о содержании своего труда ему уже некогда, потому что феодальная бюрократия велит ему “перебрать просо к утру”, т. е. делать множество бессмысленных и пустых формализованных дел. Опять же наряженных в “инновационные наряды”: писать несметное количество отчетов и планов, мастерить

электронные презентации, бесконечно переделывать учебно-методические комплексы, считать рейтинги...» [7, с. 41–42].

Декан исторического факультета Омского педагогического университета В. Н. Худяков посчитал количество документов, которые ему приходилось заполнять в советский период и в настоящее время: их число увеличилось в 22 раза. В УВО нарастают противоречия между управляющими и управляемыми: число преподавателей сокращается при интенсификации их труда, а количество управленцев разного рода, включая юристов и бухгалтеров, увеличивается быстрыми темпами по причине экспоненциально растущего контроля и документооборота [8, с. 92].

Самое трагичное, что произошло в сфере образования и воспитания молодежи в постсоветский период, – это отход от господствующей ранее стратегической цели образования, от идеала формирования разносторонне развитой и гармоничной личности, что лишило педагогическое сообщество образа будущего как стратегической сверхзадачи. Ее утрата в немалой степени поспособствовала превращению образования в сферу услуг, а школьных учителей и профессоров УВО – в «педагогических официантов», оказывающих данные «услуги». Такая метаморфоза в системе образования не могла не привести к небывалому снижению престижа педагогической профессии, падению в массовом сознании авторитета и культа ученого, характерных для доперестроечного периода. Ведь наличие такого идеала определяло фундаментальность и энциклопедизм образования, а его отсутствие обернулось на практике коммерциализацией и компетизацией образовательного процесса, утилитаризмом, меркантилизмом и функционализмом, что в считанные годы свело на нет любовь к чтению и стремление к широкой образованности. При этом образование стало лишь частью сферы услуг, ориентированной на формирование торговцев и потребителей, что и было прямо провозглашено в нормативно-правовых документах.

Верно гласит известная пословица: «Гибель народов начинается с утери идеалов». В самом деле, если нет сверхзадачи, то как воспитывать молодежь, на что ее ориентировать? Идеологический вакуум неизбежно оборачивается безбрежным плюрализмом, утратой позитивных ценностей, объединяющих народ, когнитивным диссонансом в общественном сознании. Молодежь начинает искать ответы на все ее интересующие вопросы в интернете, где по сей день господствуют наши геополитические конкуренты и противники. Несформированность идеологии, социального проекта, образа будущего, стратегических целей развития – самая страшная болезнь практически всех постсоветских государств.

Транснациональному бизнесу необходимо образование, которое представляло бы собой простое приобретение учащимися компетенций, нужных в данный момент работодателю. В связи с этим осуществляется жесткая селекция преподаваемых дисциплин в высшей школе. Все учебные дисциплины, которые выходят за рамки интересов бизнеса, в первую очередь гуманитарные, начинают неумолимо сокращаться, ужиматься, переводиться на онлайн-изучение и т. п. А это, в свою очередь, может вызвать непростые последствия. Ведь почему пал Советский Союз и никто не стал его защищать? Потому что к тому времени он потерял опору в сознании значительной части народных масс, интеллигенции, элиты, управленцев и т. д. И не помогли ему устоять ни мощнейшая в мире армия, ни самый богатый на планете ресурсно-энергетический потенциал, ни передовые космические технологии. Он проиграл в духе, идеологии, сознании, и поэтому был обречен. В действительности это означало подрыв гуманитарной основы национально-государственной безопасности (см. [9, с. 79–91]). Иначе говоря, Советский Союз проиграл именно в гуманитарно-духовной сфере. Ни одно государство не может нормально развиваться при отсутствии положительной системы ценностей, объединяющей его граждан. Народ, лишенный своих ценностей, превращается в неорганизованную толпу. Народ способен перенести всевозможные испытания, всякий натиск враждебной ему идеологии при условии, если ему присуща устойчивая идентичность, вера в свое призвание в мире, если он патриотичен. И напротив, даже в условиях относительного материального благополучия народ деградирует, если поражен его центральный нерв – сознание своей идентичности, разрушена его ценностная система.

При этом здесь следует обратить внимание на тот факт, что США, начиная со времен Первой мировой войны, стали интенсивно разрабатывать способы и методы эффективного воздействия на массовое сознание людей. Именно на основе этих разработок и сложились новые технологии информационно-психологических войн. В данном контексте прежде всего необходимо вести речь о социогуманитарных технологиях, к которым относят техники и практики, основанные на гуманитарном знании и связанные с воздействием на сознание и поведение людей. Эти технологии, по сути, представляют собой новейшее информационно-смысловое сверхоружие.

Гуманитарным технологиям, с помощью которых дестабилизируются и разрушаются многие современные общества, могут противостоять только гуманитарные технологии более высокого уровня. Народам мира, если они хотят сохранить себя в истории, необходимо формировать новое знание, способное конкурировать с западными гуманитар-

ными технологиями, переосмысливать роль духовной сферы в жизни общества, проникать в сложную мозаику общественного сознания, духовных устремлений современного человека. Поэтому модернизация социогуманитарного цикла наук – императив для всех постсоветских государств, прежде всего восточнославянских, поскольку их дестабилизация – главная задача современного глобально-управляющего класса.

Следует подчеркнуть, что практически все постсоветские общества и государства не готовы к противодействию новейшему консциентальному информационно-смысловому сверхоружию – недостает соответствующих обществоведческих разработок. Вся проблема состоит в том, что господствующее ныне в постсоветских странах современное обществоведение, проникнутое экономоцентризмом, неспособно дать ответ на эти вызовы времени.

Что бы мы теперь ни говорили, реально одно из первых мест в формировании ценностей нации принадлежит социогуманитарному образованию и знанию. А что мы здесь имеем? Практически во всех постсоветских странах идет процесс интенсивного сокращения финансирования всяких исследовательских программ социогуманитарной направленности. В лучшем случае оно осуществляется по остаточному принципу. При этом такая же тенденция набирает силу и в системе высшего образования: с неумолимой последовательностью вплоть до сегодняшнего дня в структуре учебной нагрузки идет сокращение ее социогуманитарной составляющей. Это весьма опасный, можно даже сказать, разрушительный для социума процесс. Нужно не сокращать, а скорее, наоборот, усиливать в высшей школе систему социогуманитарного образования и духовно-нравственного воспитания. Причем делать это необходимо с первого и до последнего курса обучения студентов УВО. Но при этом следует основательно позаботиться о качественных характеристиках преподавательского состава социогуманитарных дисциплин. Необходимо, чтобы преподаватели были хорошо подготовлены, обладали не местечковым, а государственно-стратегическим уровнем мышления, являлись хорошими идеологами-теоретиками, способными нести в студенческую среду позитивные, интегрирующие и жизнеутверждающие ценности и идеалы.

Приведем фрагмент рассуждений В. И. Слободина, И. В. Корольковой, А. А. Остапенко, М. В. Захарченко, Е. В. Шестуна (архимандрит), С. Ю. Рыбакова (протоиерей), Д. А. Моисеева (иерей), С. Н. Коротких (протоиерей) – авторов на редкость содержательной и глубокой статьи «Системный кризис образования как угроза национальной безопасности России», опубликованной в двух номерах журнала «Свободная мысль», о том, как можно оздоровить

российскую систему образования: «Необходимо официально признать ошибочной политику выстраивания системы образования по западным лекалам. Должен быть разработан поэтапный отказ образования от компетентностного подхода, Болонской системы, ранней профилизации, тотального тестового контроля, рыночных механизмов управления (нормативно-подушевое финансирование, странные критерии эффективности школ и вузов) как факторов, резко снизивших образованность молодежи, а также отказ от воспитания, основанного на принципах потребительства, толерантности, мультикультурализма и конкурентности как факторов, атомизирующих общество...» [10, с. 116].

Для преодоления кризиса, по мнению авторов, необходимо предпринять ряд мер: «Опубликовать короткий перечень видов отчетности, которые должна представлять школа и вуз учредителю и контролирующим органам. Ввести законодательный запрет на предоставление отчетности и информации сверх этого перечня. Чиновников, множащих отчетность и документацию, считать вредителями... <...> Прекратить выстраивание рейтингов как множащих приписки и ложь на всех уровнях» [10, с. 115–116].

Другой российский автор А. М. Ранчин в своей статье «Сумерки просвещения. Высшее образование в современной России» высказывает следующее соображение относительно усовершенствования современной жизни УВО: необходимы «установление жестких фиксированных пропорций между зарплатой администрации институтов и жалованием педагогов и устранение существующей пропасти между ними... директивное снижение педагогической нагрузки профессорско-преподавательского состава; включение научной работы в педагогическую нагрузку (условный пересчет научной работы в часы); вменение в обязанность администрации институтов и их подразделений выплаты надбавок за научную работу (публикации, участие в конференциях)» [11, с. 191].

Действительно, зарплата руководителей российских УВО «сплошь и рядом превышает жалование рядового сотрудника и в 20, и в 30 раз, а нередко и в 50» [12].

Полагаем, что все эти высказанные российскими авторами соображения далеко не безразличны и белорусской университетской общественности.

Впрочем, обозначенные нами процессы имеют место и глубоко укоренены в целом ряде экономически развитых стран Запада. Деградация человеческого материала, падение качества образования и оглупление населения развитых стран в целях удобства управления оборачиваются тем, что европейцы незаметно для самих себя начинают терять научно-техническое лидерство (оно постепенно перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион)

и становятся неспособными грамотно эксплуатировать сложные технические системы. Западный исследователь Д. Белл, например, усматривает главное противоречие современного общества в конфликте между технократически регулируемые экономическими и социальными структурами и гедонистически ориентированной этикой поведения современных людей. Вместе с тем научно-технический прогресс, как главное детище западных обществ, к настоящему времени утратил гуманистические начала, дегуманизировался.

Оказалось, что новый глобализирующийся человек – дитя общества потребления («цивилизации досуга») – охвачен ныне широко распространенной в богатых странах болезнью, которую социологи называли «аномия» и значение которой близко медицинскому термину «анемия» – малокровие и безволие [13, с. 197]. Дефицит энергии – главная характеристика людей данного типа. Этот новый антропологический тип, выдвинувшийся на авансцену современной истории, начисто лишен способности к бескорыстному дарению, спонтанному энтузиазму и инициативе; любую активность и любые свои социальные роли он предваряет вопросом: а что и сколько я буду иметь?

В реальности только общество, состоящее из индивидуальностей, способно к совершенствованию и развитию. Именно гетерогенность человечества, его дифференцированность по интеллекту и всем другим качествам, помогает людям приспособляться к самому широкому диапазону требований развития. Унификация же стиля и образа жизни, стереотипизация мышления и стандартизация оценок посредством СМИ (раньше всех ставших глобальными) делают человека неспособным к адекватной реакции на эти требования развития. Бесспорно, для бесперебойного функционирования и преуспевания транснациональных корпораций весьма желательно и удобно именно унифицированное рыночное пространство, а также наступление «века толп», для которых наиболее приемлемым является инфантильно-потребительский образ жизни.

Из божественного микрокосма – существа духовного и беспредельного – рассматриваемый тип людей превратился в «человека-функцию», неорганическое и ограниченное болезненно-невротическое существо, смысл личного бытия которого – чувственно-эмоциональные удовольствия, потребление и телесный комфорт. Это не бывало

упрощенный человеческий тип, абсолютно неспособный мобилизоваться перед лицом надвигающихся на человечество угроз и опасностей. Вся человеческая история свидетельствует о том, что гедонизм как поведенческая ориентация всегда в конечном счете оборачивается гибелью цивилизаций культур. Верно сказано, что народы способны выдержать испытание бедностью, но ни одному народу не дано выдержать испытания богатством. Или можно сказать иначе: «Цивилизация рождается стойким, а умирает – эпикурийцем» (У. Дюрант).

Мир сегодня в глобальном масштабе столкнулся с проблемой неадекватности человеческого материала вызовам текущего момента истории. И что интересно: явление этого рода касается не только рядовых граждан, но и верхних слоев развитых стран. Хотя элите и легче управлять оболваненным населением, но оболваненность как таковая по закону обратной связи бумерангом возвращается к самой элите. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить интеллектуально-духовные и волевые качества современных политических лидеров западных стран с их историческими предшественниками, в частности с Ш. де Голлем, У. Черчиллем, Т. Рузвельтом. Сегодня мы являемся свидетелями того, что нередко важнейшие политические решения, имеющие глобальную значимость, принимаются людьми, которых можно назвать «местечковые стратеги». Итак, мы видим, что обнаружившиеся сегодня фундаментальные, социально-экономические и ценностно-антропологические изменения в своей совокупности могут быть идентифицированы как *глобальный цивилизационный кризис*, точка бифуркации глобального масштаба, угрожающая самим основам человеческого существования.

В заключение следует отметить, что модернизация и реформирование системы образования в нашем обществе должны осуществляться с опорой на отечественные традиции, механическое и слепое заимствование чужого опыта вряд ли будет результативным. В реальной практике насильственное встраивание, казалось бы, превосходных западных педагогических образцов в образовательные системы восточнославянских стран, искусственное навязывание им различного рода «инновационных технологий» способствуют лишь ухудшению существующего положения дел. Подражание не может быть источником вдохновения и полноценного развития.

Библиографические ссылки

1. Четверикова ОН. «Ликвидация»: судьба российского образования. *Свободная мысль*. 2017;2:89–106.
2. Фурсов АИ. *Россия между революцией и контрреволюцией. Холодный восточный ветер* – 3. Москва: Книжный мир; 2017. 416 с. (Игры мировых элит).
3. Каюмов ОР. О проблемах, порожденных концепцией образовательных услуг. *Свободная мысль*. 2018;2:65–76.
4. Запесоцкий АС. Философия образования и проблемы современных реформ. *Вопросы философии*. 2013;1:24–34.

5. Хведченя ЛВ. Природа кризиса в образовании. *Социология*. 2014;1:78–86.
6. Берков ВФ. Опасный рубеж в модернизации сферы социально-гуманитарного образования. *Социология*. 2012;3:77–79.
7. Золотухина-Аболина ЕВ. Модернизация – архаизация – имитация: кто «правит бал»? *Философские науки*. 2012;5:37–43.
8. Смолин ОН. Высшее образование: борьба за количество или покушение на человеческий потенциал? (Статья 2). *Социологические исследования*. 2015;7:30–37.
9. Кирвель ЧС. Социогуманитарное знание и образование в контексте современных информационных войн и глобальной конкуренции (статья-предупреждение). *Социология*. 2012;2:79–91.
10. Слободчиков ВИ, Королькова ИВ, Остапенко АА, Захарченко МВ, Шестун ЕВ, Рыбаков СЮ и др. Системный кризис образования как угроза национальной безопасности России. *Свободная мысль*. 2017;2:107–122.
11. Ранчин АМ. Сумерки просвещения. Высшее образование в современной России. *Новый мир*. 2013;7:171–192.
12. Бюджетные учреждения получают «резиновые» зарплаты [Интернет]. 14 января 2013 г. [протитировано 10 апреля 2018 г.]. Доступно по: <http://www.bfm.ru/news/204928>.
13. Панарин АС. *Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности*. Москва: Эдиториал УРСС; 1999. 272 с.

References

1. Chetverikova ON. «Liquidation»: the fate of Russian education. *Svobodnaya mysl'*. 2017;2:89–106. Russian.
2. Fursov AI. *Rossiya mezhdu revolyutsiei i kontrrevolyutsiei. Holodnyi vostochnyi veter – 3* [Russia between revolution and counterrevolution. Cold wind from the East – 3]. Moscow: Knizhnyi mir; 2017. 416 p. (Games of world elite). Russian.
3. Kajumov OR. On the issues brought by the conception of educational services. *Svobodnaya mysl'*. 2018;2:65–76. Russian.
4. Zapesockij AS. [Philosophy of education and problems of modern reforms]. *Voprosy filosofii*. 2013;1:24–34. Russian.
5. Hvedchenja LV. Nature of crisis in education. *Sotsiologiya*. 2014;1:78–86. Russian.
6. Berkov VF. Dangerous threshold of modernizations of the sphere of social arts education. *Sotsiologiya*. 2012;3:77–79. Russian.
7. Zolotuhina-Abolina EV. Modernization – arkhaisation – imitation: who does run the show? *Filosofskie nauki*. 2012;5:37–43. Russian.
8. Smolin ON. Higher education: struggling for quantity or attempt at human potential? (Part 2). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015;7:30–37. Russian.
9. Kirvel' ChS. Socio-humanitarian knowledge and education in the context of modern information wars and the global competition (prevention article). *Sotsiologiya*. 2012;2:79–91. Russian.
10. Slobochikov VI, Korol'kova IV, Ostapenko AA, Zaharchenko MV, Shestun EV, Rybakov SY, et al. Education systemic crisis as Russian national security treat. *Svobodnaya mysl'*. 2017;2:107–122. Russian.
11. Ranchin AM. [Twilight of education. The higher education in modern Russia]. *Novyi mir*. 2013;7:171–192. Russian.
12. Budgetary institutions will get paid «rubber» wages [Internet]. 2013 January 14 [cited 2018 April 10]. Available from: <http://www.bfm.ru/news/204928>. Russian.
13. Panarin AS. *Global'noe politicheskoe prognozirovanie v usloviyakh strategicheskoi nestabil'nosti* [Global political prediction in the conditions of strategic instability]. Moscow: Editorial URSS; 1999. 272 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 26.08.2018.
Received by editorial board 26.08.2018.